

Протоиерей Константин Костромин

ОСОБЕННОСТИ ЭСТОНСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО САМОСОЗНАНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

(к 100-летию мученического подвига священномученика Платона (Кульбуша), епископа Ревельского)

Священномученик Платон, епископ Ревельский — один из весьма немногих национальных эстонских святых. Его имя до сих пор является своеобразным знаменем национальных устремлений эстонского православия. Однако его жизнь и посмертная память о нем не могут и не могли дать твердое основание как для того раскола, который с 1992 года терзает эстонское Православие, так и для автокефалистских тенденций, которые расцвели в Эстонии в третьем десятилетии XX века. В статье сделана попытка проследить как тенденции в эстонском религиозном самосознании, которые проявились в начале XX века, и стали его отличительной чертой, так и обозначить значение и роль священномученика Платона, а до того — протоиерея Павла Кульбуша, как его звали до принятия монашества и епископского сана, в становлении или сдерживании этих тенденций. Сделан вывод, что религиозный фактор в становлении эстонского самосознания оказался подчинен национальному. До конца 1917 года у этого процесса был сдерживающий, а затем — катализирующий фактор — политика российского руководства, а также социальные процессы в самой России, с начала 1918 года проблема приобретает многовекторный характер. До гибели священномученика Платона он, сначала в качестве настоятеля столичного прихода, а затем в качестве архиерея, пытался вмешиваться в этот процесс, направляя его в нужное для Православной Церкви русло, однако можно считать, что его влияние на процесс национализации эстонского Православия, с одной стороны, и сдерживание этого процесса, если говорить о сепаратизации церковной жизни в Эстонии, было заметным. Однако политическая конъюнктура 1918-1923 годов свела его усилия на «нет».

Ключевые слова: Православие, Эстония, новомученики, епископ Платон Ревельский, протоиерей Павел Кульбуш, национальное самосознание, национализм, Православная Церковь, Эстонская Церковь, эстонский язык.

Священномученик Платон, епископ Ревельский — один из весьма немногих национальных эстонских святых. Его имя до сих пор является своеобразным знаменем национальных устремлений эстонского православия. Однако его жизнь и посмертная память о нем не могут и не могли дать твердое основание как для того раскола, который с 1992 года терзает эстонское Православие, так и для автокефалистских тенденций, которые расцвели в Эстонии в третьем десятилетии XX века. Наша задача — проследить как тенденции в эстонском религиозном самосознании, которые проявились в начале XX века, и стали его отличительной чертой, так и обозначить значение и роль священномученика Платона, а до того — протоиерея Павла Кульбуша, как его звали до принятия монашества и епископского сана, в становлении или сдерживании этих тенденций.

Эстонское национальное движение впервые проявило себя в конце XIX века. После политики русификации, которую проводила власть в 1870-1880-х годах, наступил

Протоиерей Константин Александрович Костромин — кандидат исторических наук, кандидат богословия, проректор по научно-богословской работе, доцент кафедры церковной истории Санкт-Петербургской Духовной Академии (k.a.kostromin@mail.ru).

откат, эстонцы, в поисках заработков, расселились по территориям Санкт-Петербургской, Псковской, Витебской и других губерний, вплоть до Сибири и Кавказа [Мусаев, 2009, 9-14; Костромин, 2009, 52-54]. Власти, опасаясь национального движения, оказались готовы идти на уступки и позволить эстонцам проявлять свой национальный характер в своих жизненных устремлениях. Это касалось как открытия большого числа эстонских общественных объединений и обществ, школ и приходов [Костромин, 2018а, 72-73], так и более широкого использования эстонского языка, который до того был в крайне стесненном положении — в Эстляндии основным языком считался русский, а вторым — немецкий.

Православные эстонские приходы в Петербургской губернии стали появляться во второй половине 1880-х годов, когда, вслед за прихожанами, в губернию потянулись священники эстонского происхождения, выпускники Рижской духовной семинарии, которые стали устраиваться на приходы в окрестностях Петербурга и выжидая случая перебраться в столицу. Первыми были свящ. Федор Кульдсар и свящ. Адам Симо (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 107. Д. 47. Л. 2об и слл.). Однако, их попытки стать священниками в Петербурге не увенчались успехом. Выпускник Санкт-Петербургской Духовной Академии, кандидат богословия [Карпук, 2018, 88] Павел (Пауль) Петрович Кульбуш, к тому же очень активный и предприимчивый человек — оказался значительно более привлекательным кандидатом для К. П. Победоносцева и митрополита Палладия Раева, которые дали добро на создание самостоятельного православного столичного эстонского прихода [Костромин, 2018а, 68].

История появления этого прихода чрезвычайно интересна. Впервые богослужения для выходцев из Прибалтики начал регулярно совершать в Петербурге священник Адам Симо. Он служил в Кронштадтском Андреевском соборе и оттуда наезжал в Петербург и Гатчину совершать там богослужения для эстонцев и латышей (первое богослужение на эстонском языке в Петербурге состоялось 15 октября 1892 года [Кульбуш, 1895, 13]). Здесь он и познакомился с Павлом Кульбушем, который помог ему организовать эстонский хор. Однако уже к началу 1890-х эстонцы начали помышлять о создании собственного прихода, отдельного от латышского. Тогда и возникла мысль поставить во главе этого прихода Павла Кульбуша [Костромин, 2009, 55-63].

В создании прихода очень большую роль играл эстонский язык. Как известно, язык является одной из основ национального самосознания. Именно по эстонскому языку как основе национального движения был нанесен удар в эпоху Александра III в форме русификации. Теперь же приход требовал совершения богослужений именно на эстонском языке и об этом постоянно писал и говорил отец Павел Кульбуш. «В столице насчитывается эстонцев более 20 тысяч, и все они до самого недавнего времени тяготели к лютеранской кирхе. Не зная обыкновенно ни русского языка, ни столицы, выселяющиеся в Петербург эстонцы идут в кирху как на маяк. Тут и укажут что делать, тут и место приищут, благо есть в Петербурге на заводах немало эстонцев мастеров и указчиков, ручающихся за земляков и сталкивающиеся с ними на своем языке, так что с русским людом такие рабочие почти не имеют дела. Этим только можно объяснить себе тот удивительный факт, что живет эстонец в Петербург с десяток лет, но по-русски не говорит или же коверкает русскую речь до невозможности. Поэтому, если положение лютеран эстонцев, давно уже имеющих свой приход, было сравнительно благополучно, то православные, среди великолепных столичных храмов, чувствовали себя совершенно покинутыми. В храме все непонятно для них, не разумеют не только языка славянского, но даже и русского, привыкнув в родном краю к Богослужению на родном языке. И шли конечно в кирху на Офицерскую улицу, хоть бы там послушать Слово Божие...» (Отчет 1898-9, 72-73).

Вопрос о языке был очень болезненным, и отец Павел прекрасно понимал масштаб проблемы. Вот что он писал в одном из своих благочиннических отчетов: «... камнем преткновения для православия оказываются национальные вождедения известной части эстонцев. Православие и связанный с ним русский язык и круг понятий — для ярых националистов предмет самой откровенной ненависти. Хуже

“русской веры” для них ничего нет. С другой стороны, уступки в языке, — где по необходимости — для преуспевания в усвоении веры незнающими другого языка, кроме эстонского, где из видов выгораживания себя из политики, с единою лишь целью, да всяко единого спасающего верою привлечь неких ко спасению, — могут вызвать опасения недалёковидных и усердных патриотов, считающих для церкви честью быть прежде всего в услужении земным интересам. Положение действительно нелегкое, и единственный по-видимому из него выход: по возможности игнорировать ту и другую сторону, имея перед глазами единую вечную цель — приобретение чад истинной вселенской церкви, сошествием Св. Духа и даром языков в соединение вся призвавшей и воинствующей для небесного царства, а не земли» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 97. Д. 37. Л. 320 об.-321).

Здесь выражено кредо священномученика Платона по этому сложному вопросу. Да, язык является одним из воплощений национализма. Но язык является и средством воспитания. И если воспитательная функция превзойдет по интенсивности коммуникативную, то будет достигнута главная цель — эстонский язык превратится из средства национализации в средство православной миссии, и тогда именно Православие удержит эстонцев от противопоставления «эстонец-русский», ибо «во Христе нет ни эллина, ни иудея» (Кол. 3, 11). Поэтому и в дальнейшей своей деятельности отец Павел добивался регулярного совершения эстонского богослужения и деятельности эстонских церковно-приходских школ.

После формального создания эстонского столичного прихода все силы отец Павел отдал двум инициативам, призванным сплотить эстонцев вокруг храмов. Речь идет о строительстве русско-эстонского Свято-Исидоровского храма в столице, о котором написано уже достаточно много [см. Чижов, Алексеев, 1989; Берташ, 2002; Антонов В. В., Кобак, 2010, 102-103; Костромин, 2018б], и о создании благочиния церковью русско-эстонских приходов Санкт-Петербургской епархии, о котором практически ничего не известно [Костромин, 2019а; Костромин 2019б].

Благочиние было создано в 1900 году как русско-эстонское, поскольку объединило храмы, где вообще проводились богослужения для эстонцев. Поэтому в него вошли преимущественно русские храмы, где имелся полноценный или даже неполноценный эстонский причт — Андреевский собор Кронштадта, Павловский собор Гатчины, Екатерининский собор Луги и другие. По этой же причине эстонский причт Михаило-Архангельского храма в Малой Коломне, располагавшийся там до окончания строительства Свято-Исидоровского храма, благочинным не подчинялся. Сам себя проверять в рамках русско-эстонского благочиния он не мог, а его национальный статус делал его «невидимым» для районных благочинных, поэтому впервые столичный приход был описан благочинным только в 1907 году (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 100. Д. 51. Л. 304-305).

Сосуществование эстонских приходов с русскими было для их эстонских частей болезненным. Свидетельством этому является, помимо прочего, разделение русской и эстонской частей благочиния и даже противопоставление одного другому в одном из первых благочиннических отчетов отца Павла, за вторую половину 1901 года (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 93. Д. 9. Л. 259-262). В этом национальное чувство священника Павла Кульбуша проявилось в полной мере. В первых отчетах можно видеть как это противопоставление проявлялось, хотя и в несколько иных формах (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 93. Д. 7. Л. 85-90; Ф. 19. Оп. 94. Д. 52. Л. 402-405). Наконец, во второй половине 1904 года благочиние было принципиально перестроено. «В составе благочиния во II половину 1904 г. произошла существенная перемена. Все русские приходы и церкви отчислены к прежним благочиниям, и оставлены только приходы эстонские. За 4½ года существования русско-эстонского благочиния, последние успели настолько вырасти и окрепнуть, что в силах как самостоятельно существовать, так и составить из себя отдельную административную единицу. Кроме того, выделение их давало надежду на исключительное внимание к их нуждам, не отвлекаемое более в сторону сложными делами разносоставного благочиния. Всего в благочинии ныне

6 эстонских приходов и 1 латышский в Пб» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 96. Д. 41. Л. 417). Моноэтническая структура лучше отвечала как национальным запросам эстонцев, так и реализации замысла отца Павла, надеявшегося этой уступкой национальному чувству эстонцев вывить основание для национализма как идеологии. Он прекрасно понимал и не раз писал и говорил, что эстонцы Петербурга это люди в значительной степени случайные, «православные эстонцы Петербургской губернии в подавляющей своей массе — выселенцы Прибалтийского края; гонит их безземелье; выселяющийся элемент по своему составу нельзя назвать наилучшим» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 102. Д. 36 Л. 27 об.), что они часто возвращаются на родину. Поэтому от его деятельности многое зависело и в самой Эстляндии. В частности, именно забота о просвещении родины заставила священника Павла Кульбуша стать членом Православного Прибалтийского братства (Двадцатипятилетие, 19) [Костромин, 2018а, 67, 69], Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви (Общество) и Санкт-Петербургского епархиального миссионерского совета (Отчет 1910, 96-100 и др.).

Однако переломить ситуацию он был не в силах. Пока он созидал храм, братство священномученика Исидора [Власов, 2016] и благочиние, все было хорошо, и поводов для беспокойства, как будто, не было. Однако с наступлением 1917 года все изменилось. В течение всего года в столице и в Петроградской епархии ничего существенно не менялось или, по крайней мере, не отразилось в сохранившихся документах [Костромин, 2017а]. 17 июня 1917 года прот. Павел Кульбуш был переизбран на должность благочинного эстонских приходов (Известия, 2), однако это избрание оказалось в большей степени формальным, отражением демократического духа, захватившего общество.

8 августа в Тарту состоялся Собор Рижской епархии, на котором ясно обозначилось, что Рижская епархия, объединявшая всю Прибалтику, находится в глубоком кризисе. Латвийская и эстонская ее части не могли найти компромисса не только в вопросе выбора делегатов на Поместный собор в Москву, но даже в вопросе об управлении епархией. Эстонцы заявили о желании выйти из состава Рижской епархии и потребовали назначения для себя нового архиерея, эстонца по происхождению. Была предложена и одобрена кандидатура протоиерея Павла Кульбуша, настоятеля столичного эстонского храма [Нестор, 2003, 103]. Таким образом, восторжествовала националистическая партия, и именно эта партия своим знаменем сделала отца Павла, который казался эстонским патриотом в сердце Российской империи. Этот выбор одобрили также участники Поместного собора в августе 1917 года, а также избранный Св. Патриарх Тихон [Мусаев, 2018, 301-303].

Быстрое оформление национального самосознания в ходе революционных событий 1917 года, подготовленные событиями и процессами предшествовавшей четверти века, формирование эстонской партии большевиков, Первая мировая война, разрезавшая Прибалтику на две части и активизировавшаяся в результате прихода к власти большевиков, сделали проблему еще более болезненной и трудноразрешимой. К русской «оккупации», о которой стали говорить «демократически» настроенные политики, прибавилась новая «германская агрессия» и оккупация, а также проявились интересы соседних стран, прежде всего Финляндии, уже выделившейся из состава России, и стран Антанты, не пожелавших упустить кусок политического пирога под боком разваливавшейся России. Положение Православия в Эстонии стало тяжелым, и именно с ним пришлось иметь дело священномученику Платону [Костромин, 2017б]. Продолжая свою линию «Православие не разделяет, а объединяет», епископ Платон постарался, теперь уже на светской основе, возродить православное образование, посетив Тартуский университет и войдя в переговоры с местной профессурой [Paert, Schvak, 2014, 150]. В историографии можно встретить мнение, что «владыка Платон (Кульбуш) поддержал идею эстонской национальной независимости и всегда отмечал в своих проповедях этого периода пользу от обособления Эстонского государства. Часть пророссийски настроенных пастырей и прихожан были

недовольны эстонофильской, с их точки зрения, линии управления православными приходами Ревельского викариатства и даже направили письмо со своими опасениями Патриарху» [Петров, 2014, 197]. Едва ли можно согласиться с такой характеристикой священномученика Платона как объективной данностью. Скорее, речь идет о конфликте настроений, заложником которых оказался и Владыка Платон. Националистически настроенные эстонцы (едва ли в большинстве православные, скорее лютеране, атеисты и светски ориентированные граждане, но и православные в том числе) были недовольны недостаточной активностью епископа Платона в этом направлении, а сторонники православной интеграции, прежде всего те, для кого каноническая принадлежность не была пустым звуком, были напуганы якобы националистическими настроениями своего епископа. Их не могло не напугать использование епископом Платоном мантии в цветах национального эстонского флага, подаренное националистами после его епископской хиротонии. Не могло это вдохновлять и немецкую временную администрацию, и ушедших в подполье эстонских большевиков.

Первая мировая, дополнившая в Эстонии Гражданскую войну, отделила епископа Платона от Москвы и Св. Патриарха Тихона. К национальному вопросу, остро стоявшему как в контексте настроений, так и в связи с немецкой оккупацией, добавился вопрос канонический. Слова отца Павла «хуже “русской веры” для них ничего нет» своеобразным образом отразились в настроениях православных, и в Эстонии впервые заговорили об автокефалии, а также о получении ее в Константинополе [Петров, 2014, 199]. Национализм стал проявляться в форме не только антироссийских настроений, но и антибольшевистских, в рамках которых все, что было, и что происходило в России, казалось злом, от которого нужно отмежеваться. Национализм стал поводом к отделению Эстонской Церкви от Русской. На это епископ Платон пойти не мог. Его гибель, как ни покажется странным, была на руку и большевикам, и националистам, которые получали безмолвное воплощение национальной церкви в виде памяти о священномученике Платоне, и с его гибелью теряли последнее препятствие на пути отделения от Русской Церкви.

Именно поэтому так остро встал вопрос как о преемнике священномученика Платона, так и вопрос об отношении к памяти о нем. Вопрос о преемнике по епископской кафедре вызвал разногласия. Священномученик Платон успел оставить рекомендацию, кого хотел бы видеть на своем месте. Это был выпускник Рижской духовной семинарии и Московской Духовной Академии, бывший преподаватель Калужской духовной семинарии, приват-доцент Московского университета, член Поместного собора Александр Каэлас, побывавший в Эстонии в 1918 году, а затем уехавший в Сибирь (Документы, 21, 28). Этот выбор показателен. Каэлас был довольно молодым человеком, он скончался в 1920 году в Иркутске от тифа, будучи только 40 лет от роду. Не будучи противником большевизма, он не принадлежал к числу эстонских националистов. В Иркутске стал он профессором университета по курсу психологии и поверенным в делах Эстонского консульства, созданного после захвата Иркутска большевиками, так как 2 февраля 1920 года был подписан мирный договор между Россией и Эстонией [Aleksander Kaelas; Выпускники МДА; Выпускники РДС; Деятельность]. Его фигура должна была быть уравновешена человеком, который отвечал бы националистическим интересам. Так возникла фигура свящ. Александра Паулуса (Документы, 21 и др.).

Не менее важен и вопрос памяти священномученика Платона. Важно подчеркнуть, что упоминание его имени в официальных документах Эстонской церкви, взявшей курс на получение автокефалии и ради этого обратившейся в Константинополь, исчезает после издания «томоса» 7 июля 1923 года (Документы, 14, 21, 29, 41-45). Это молчание очень характерно, особенно в контексте того, что в РПЦЗ, не поддерживавшей контактов с новой церковью Эстонии, порвавшей контакты с Русской Православной Церковью, но сохранившей таковые с Константинопольской Патриархией, епископ Ревельский Платон почитался как священномученик [Новые мученики, 1949, 82-83]. В то же время, духовенство и миряне почитали епископа Платона, что отразилось

в создании пышного мраморного саркофага над его могилой, освященного в 1931 году, а также дня скорби, поддержанного правительством, который отмечался ежегодно в день его гибели [Новые мученики, 1949, 83].

Подводя итоги экскурсу в историю становления эстонского национально-религиозного самосознания, можно отметить, что религиозный фактор, в том числе относящийся к восприятию Православия как системы церковных внутренних и внешних отношений, оказался подчинен национальному, т. е. развивался вслед за национальным, следуя ему как в направлении развития, так и в темпоритме. У национально-религиозного самосознания эстонцев было несколько этапов, которые, несколько огрубляя, могут быть выделены следующим образом: начало 1890-х — начало 1917; начало 1917 — начало 1919; начало 1919 — середина 1923 гг. До конца 1917 года у этого процесса был сдерживающий, а затем — катализирующий фактор — политика российского руководства, а также социальные процессы в самой России, с начала 1918 года проблема приобретает многовекторный характер. До гибели священномученика Платона он, сначала в качестве настоятеля столичного прихода, а затем в качестве архиерея, пытался вмешиваться в этот процесс, направляя его в нужное для Православной Церкви русло. Нельзя сказать, что ему это совершенно удалось, но и нельзя сказать, что он не повлиял на процесс становления национального самосознания. В то же время, нельзя не отметить, что избрание прот. Павла Кульбуша в эстонские епископы, оказавшееся возможным в демократической революционной обстановке, без его личного участия, показывает степень его авторитета среди православного духовенства и активных мирян Эстляндии и, следовательно, дает основания считать, что его влияние на процесс национализации эстонского Православия, с одной стороны, и сдерживание этого процесса, если говорить о сепаратизации церковной жизни в Эстонии, было заметным. Однако политическая конъюнктура 1918-1923 годов свела его усилия на «нет», и потому для православных эстонцев периода «автокефалии» он был как важным элементом национальной памяти, так и фигурой умолчания, если речь шла об официальных документах, поскольку он оставался связующим звеном Эстонской Церкви с ее Матерью — Русской Церковью, в то время как новое церковное руководство связывало свое становление с Константинопольской Патриархией, предав память одного из наиболее славных ее святых.

Источники и литература

Источники

1. Двадцатипятилетие — Двадцатипятилетие деятельности состоящего под Высочайшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны Прибалтийского православного братства. СПб., 1907.
2. Документы — Православие в Эстонии. Т. 2: Документы. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2010.
3. Известия — Известия по Петроградской епархии. 1917. № 32-33.
4. *Кульбуш (1895) — Кульбуш П., свящ.* На заре новой жизни православных эстонцев. СПб., 1895.
5. Общество — Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви в Санкт-Петербурге. Отчет о деятельности общества за 1910 г. (существования Общества тридцатый) с приложением списков членов. СПб., 1911.
6. Отчет 1898-9 — Санкт-Петербургское православное эстонское братство во имя священномученика Исидора Юрьевского. Отчет о деятельности братства за 1898-9 год. СПб., 1900.
7. Отчет 1910 — Отчет С.-Петербургского епархиального миссионерского совета за 1910 год. СПб., 1911.
8. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 100. Д. 51.

9. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 102. Д. 36.
10. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 107. Д. 47.
11. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 93. Д. 7.
12. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 93. Д. 9.
13. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 94. Д. 52.
14. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 96. Д. 41.
15. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 97. Д. 37.

Литература

16. Paert, Schvak (2014) — Paert I., Schvak T. Orthodox Education in the Baltic provinces of Imperial Russia and independent Estonia from 1840s till 1941. *Quaestio Rossica*, 2014, № 3.

17. Антонов, Кобак (2010) — Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга. Энциклопедия христианских храмов. Изд. 3-е, исправ. и доп. СПб., 2010.

18. Берташ (2002) — Берташ А. В. Церковь во имя священномученика Исидора Юрьевского // Памятники истории и культуры Петербурга. Вып. 6. СПб., 2002. С. 195-205.

19. Власов (2016) — Власов А. Г. Из истории «Санкт-Петербургского православного эстонского братства во имя священномученика Исидора Юрьевского»: 1898–1911 гг. // Клио. 2016. № 1 (109). С. 180–185.

20. Карпук (2018) — Карпук Д. А. Кандидатские диссертации выпускников Санкт-Петербургской Духовной Академии, причисленных Русской Православной Церковью к лику новомучеников и исповедников // Вестник исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. № 1. С. 75-93.

21. Костромин (2009) — Костромин К. А. Свято-Исидоровская церковь сегодня и сто лет назад // Коломенские чтения — 2008. Альманах № 3 / Под ред. В. В. Антонова. СПб.: Арденн, 2009. С. 51-66.

22. Костромин (2017а) — Костромин К., прот. Свято-Исидоровский приход и его причт в 1917 году // Православные эстонцы Петербурга. 1917: до и после (Материалы научно-просветительской конференции Санкт-Петербург, 8 октября 2017 года); Житие священномученика Платона, епископа Ревельского; Житие священномученика Карпа, пресвитера Петроградского / Сост. и ред. прот. К. Костромин. СПб., 2017. С. 18-32.

23. Костромин (2017б) — Костромин К., прот. Священномученик Платон, епископ Ревельский: проблема сохранения православия на постимперской территории // Богословский вестник. Сергиев Посад, 2017. Вып. 26-27. С. 179-195.

24. Костромин (2018а) — Костромин К., прот. Братство при приходе или приход при братстве? К истории русско-эстонского Православного братства во имя священномученика Исидора Юрьевского в Петербурге // Свет Христов просвещает всех. Альманах Свято-Филаретовского института. Вып. 27. Лето 2018. М., 2018. С. 65-79.

25. Костромин (2018б) — Костромин К., прот. «Постройка храма грозит стать предметом столичного скандала...». К истории Православного русско-эстонского братства во имя священномученика Исидора Юрьевского // Вестник исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. № 2. С. 38-52.

26. Костромин (2019а) — Костромин К., прот. Священномученик Платон, епископ Ревельский — протоиерей Павел Кульбуш как благочинный эстонских приходов Петербургской (Петроградской) епархии (к 100-летию мученической кончины) // Церковь. Богословие. История. Материалы VII Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 8-9 февраля 2019 г.). Екатеринбург: ЕДС, 2019. [В печати].

27. Костромин (2019б) — Костромин К., прот. Эстонское благочиние Петербургской епархии в 1900-1917 годах // Актуальные вопросы церковной науки. 2019. № 1. [В печати].

28. Мусаев (2009) — Мусаев В. И. Эстонская диаспора на северо-западе России во второй половине XIX — первой половине XX в. СПб.: Нестор, 2009.

29. Мусаев (2018) — Мусаев В. И. Православие в Прибалтике в 1890-1930-е гг. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018.

30. Нестор (2003) — *Нестор (Кумыш), иером.* Новомученики Санкт-Петербургской епархии. СПб.: Сатисъ, Держава, 2003.
31. Новые мученики (1949) — Новые мученики Российские. Первое собрание материалов / Сост. протопр. М. Польский. [Джорданвилль], 1949. Ч. 1.
32. Петров (2014) — *Петров И. В.* Православные приходы Эстонии в конце 1917–1920-х годах в контексте военного противостояния // Гражданская война в России: проблемы истории и историографии: сб. докл. Межвуз. науч. конф. г. Санкт-Петербург. 29 ноября 2013 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2014. С. 196–203.
33. Чижов, Алексеев (1989) — *Чижов А., диак., Алексеев А. А.* Русско-эстонский Исидоровский приход в Петербурге–Петрограде–Ленинграде // Из истории православия к северу и западу от Великого Новгорода. Л., 1989. С. 133–142.
34. Aleksander Kaelas — Aleksander Kaelas (filosoof) [https://et.wikipedia.org/wiki/Aleksander_Kaelas_\(filosoof\)](https://et.wikipedia.org/wiki/Aleksander_Kaelas_(filosoof)) (дата обращения: 2.02.2019).
35. Выпускники МДА — Выпускники Московской духовной академии 1818–1914 гг. <http://dereksiz.org/vipuskniki-moskovskoj-duhovnoj-akademii-1818-1914-gg.html?page=8> (дата обращения: 2.02.2019).
36. Выпускники РДС — Выпускники Рижской духовной семинарии <http://www.petergen.com/bovkaloduhovrigasem.html> (дата обращения: 2.02.2019).
37. Деятельность — Деятельность иностранных представительств в Иркутске в 1920 году. URL: <https://f-dragon869.livejournal.com/286012.html> (дата обращения: 2.02.2019).

Archpriest Konstantin Kostromin. Features of the Estonian Orthodox Self-consciousness in the early 20th century (on the 100th Anniversary of the Martyrdom of the Martyr Platon (Kulbush), Bishop of Revel).

Abstract: The holy new martyr Platon, Bishop of Revel, is one of the very few Estonian national saints. His name is still a kind of banner of the national Estonian Orthodox aspirations. However, his life and his posthumous memory cannot and could not give a firm foundation for the schism that has been tormenting in Estonian Orthodoxy since 1992, and for the autokephalist tendencies that flourished in Estonia in the third decade of 20th century. The article attempts to trace as well the tendencies in Estonian religious self-consciousness, which manifested themselves in the early twentieth century, and became its distinguishing feature, as well to indicate the meaning and role of the martyr Platon (before that — archpriest Pavel Kulbush, as he was called before the adoption of monasticism and episcopal dignity) in becoming or curbing these tendencies. It is concluded that the religious factor in the development of the Estonian identity was subordinated to the national one. Until the end of 1917, this process had a deterrent, and then a catalyzing factor — the policy of the Russian leadership, as well as social processes in Russia, since the beginning of 1918 the problem has become multivector character. Before the martyr Platon death, first as the head of the parish in capital, and then as a bishop, he tried to interfere in this process, directing it to the right direction for the Orthodox Church, but its influence was noticeable on the nationalization of Estonian Orthodoxy and the containment of this process, if we talk about separating church life in Estonia. However, the political conjuncture of 1918–1923 reduced its efforts to nothing.

Keywords: Orthodoxy, Estonia, New Martyrs, Platon bishop of Revel, archpriest Pavel Kulbush, national identity, nationalism, Orthodox Church, Estonian Church, Estonian language.

Archpriest Konstantin Aleksandrovich Kostromin — Candidate of Historical Sciences, Candidate of Theology, Associate Professor at the Department of Church History, Vice-rector for Theological Researches at St. Petersburg Theological Academy (k.a.kostromin@mail.ru).

Sources and References

Sources

1. Dvadsatipyatiletie — *Dvadsatipyatiletie deyatel'nosti sostoyashchego pod Vysochayshim pokrovitel'stvom Ee Imperatorskogo Velichestva Gosudaryni Imperatritsy Marii Feodorovny Pribaltiyskogo pravoslavnogo bratstva* [The 25th anniversary of activities of the Baltic Orthodox brotherhood, under the Highest patronage of Her Imperial Majesty the Empress Maria Feodorovna]. Saint-Petersburg, 1907. (In Russian).
2. Dokumenty — *Pravoslaviye v Estonii* [The Orthodoxy in Estonia]. T. 2: Dokumenty. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya, 2010. (In Russian).
3. Izvestiya — *Izvestiya po Petrogradskoy eparkhii* [The Petrograd eparchy news], 1917, no. 32-33. (In Russian).
4. Kul'bush (1895) — Kul'bush P. *Na zare novoy zhizni pravoslavnykh estontsev* [At the dawn of the Orthodox Estonians new life]. Saint-Petersburg, 1895. (In Russian).
5. Obshchestvo — *Obshchestvo rasprostraneniya religiozno-nravstvennogo prosveshcheniya v dukhe Pravoslavnoy Tserkvi v Sankt-Peterburge. Otchet o deyatel'nosti obshchestva za 1910 g. (sushchestvovaniya Obshchestva tridsatyy) s prilozheniem spiskov chlenov* [Society for the spread of religious and moral education in the spirit of Orthodox Church in St. Petersburg. Report on the activities of the company for 1910 (the 30 year of the Society existence) with an attached list of members]. Saint-Petersburg, 1911. (In Russian).
6. Otchet 1898-9 — *Sankt-Peterburgskoe pravoslavnoe estonskoe bratstvo vo imya svyashchennomuchenika Isidora Yur'evskogo. Otchet o deyatel'nosti bratstva za 1898-9 god* [St. Petersburg Orthodox Estonian fraternity in the name of the Holy Martyr Isidore of Yuryev. Report on the brotherhood activities in the year 1898-9]. Saint-Petersburg, 1900. (In Russian).
7. Otchet 1910 — *Otchet S.-Peterburgskogo eparkhial'nogo missionerskogo soveta za 1910 god* [Report of the St. Petersburg Diocesan Missionary Council for 1910]. Saint-Petersburg, 1911. (In Russian).
8. CGIA SPb (Central State Historical Archive of Saint-Petersburg). F. 19. Op. 100. D. 51. (In Russian).
9. CGIA SPb. F. 19. Op. 102. D. 36. (In Russian).
10. CGIA SPb. F. 19. Op. 107. D. 47. (In Russian).
11. CGIA SPb. F. 19. Op. 93. D. 7. (In Russian).
12. CGIA SPb. F. 19. Op. 93. D. 9. (In Russian).
13. CGIA SPb. F. 19. Op. 94. D. 52. (In Russian).
14. CGIA SPb. F. 19. Op. 96. D. 41. (In Russian).
15. CGIA SPb. F. 19. Op. 97. D. 37. (In Russian).

References

16. Paert, Schvak (2014) — Paert I., Schvak T. Orthodox Education in the Baltic provinces of Imperial Russia and independent Estonia from 1840s till 1941. *Quaestio Rossica*, 2014, № 3.
17. Antonov, Kobak (2010) — Antonov V.V., Kobak A.V. *Svyatyni Sankt-Peterburga. Entsiklopediya khristianskikh khramov* [St. Petersburg shrines. Encyclopedia of Christian churches]. Saint-Petersburg, 2010. (In Russian).
18. Bertash (2002) — Bertash A.V. *Tserkov' vo imya svyashchennomuchenika Isidora Yur'evskogo* [Church in the name of the martyr Isidor Yuryevsky]. *Pamyatniki istorii i kul'tury Peterburga*, issue 6. Saint-Petersburg, 2002, pp. 195-205. (In Russian).
19. Vlasov (2016) — Vlasov A.G. *Iz istorii «Sankt-Peterburgskogo pravoslavnogo estonskogo bratstva vo imya svyashchennomuchenika Isidora Yur'evskogo»: 1898–1911 gg.* [From the history of the St. Petersburg Orthodox Estonian Brotherhood in the Name of the Holy Martyr Isidore Yuryevsky: 1898–1911]. *Klio*, 2016, no. 1 (109), pp. 180–185. (In Russian).

20. Karpuk (2018) — Karpuk D. A. *Kandidatskie dissertatsii vypusknikov Sankt-Peterburgskoy Dukhovnoy Akademii, prichislennykh Russkoy Pravoslavnoy Tserkov'yu k liku novomuchenikov i ispovednikov* [PhD dissertations of St. Petersburg Theological Academy graduates, ranked by the Russian Orthodox Church as new martyrs and confessors]. *Vestnik istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoy Dukhovnoy Akademii*, 2018, no. 1, pp. 75-93. (In Russian).

21. Kostromin (2009) — Kostromin K. A. *Svyato-Isidorovskaya tserkov' segodnya i sto let nazad* [The Saint Isidore Church today and a hundred years ago]. *Kolomenskie chteniya* — 2008. Anthology no. 3. Ed. by V. Antonov. Saint-Petersburg: Ardenn, 2009, pp. 51-66. (In Russian).

22. Kostromin (2017a) — Kostromin K. *Svyato-Isidorovskiy prikhod i ego pricht v 1917 godu* [The Saint Isidore Church and its clergy in 1917]. *Pravoslavnye estontsy Peterburga. 1917: do i posle* (Materialy nauchno-prosvetitel'skoy konferentsii Sankt-Peterburg, 8 oktyabrya 2017 goda). Ed. by K. Kostromin. Saint-Petersburg, 2017, pp. 18-32. (In Russian).

23. Kostromin (2017b) — Kostromin K. *Svyashchennomuchenik Platon, episkop Revel'skiy: problema sokhraneniya pravoslaviya na postimperskoy territorii* [Martyr Platon, Bishop of Revel: the problem of preserving Orthodoxy on the post-imperial territory]. *Bogoslovskiy vestnik. Sergiev Posad*, 2017, vol. 26-27, pp. 179-195. (In Russian).

24. Kostromin (2018a) — Kostromin K. *Bratstvo pri prikhode ili prikhod pri bratstve? K istorii russko-estonskogo Pravoslavnogo bratstva vo imya svyashchennomuchenika Isidora Yur'evskogo v Peterburge* [Brotherhood at the parish or parish at the brotherhood? On the history of the Russian-Estonian Orthodox fraternity in the name of the martyr Isidor Yuryevsky in St. Petersburg]. *Svet Khristov prosveshchaet vsekh. The anthology of Saint-Filaret institut*, vol. 27, summer 2018, pp. 65-79. (In Russian).

25. Kostromin (2018b) — Kostromin K. «*Postroyka khrama grozit stat' predmetom stolichnogo skandala...*». *K istorii Pravoslavnogo russko-estonskogo bratstva vo imya svyashchennomuchenika Isidora Yur'evskogo* [«The construction of the church threatens to become the subject of the capital scandal ...». To the History of the Orthodox Russian-Estonian Brotherhood in the name of the Holy Martyr Isidor Yuryevsky]. *Vestnik istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoy Dukhovnoy Akademii*, 2018, no. 2, pp. 38-52. (In Russian).

26. Kostromin (2019a) — Kostromin K. *Svyashchennomuchenik Platon, episkop Revel'skiy — protoierey Pavel Kul'bush kak blagochinnyy estonskikh prikhodov Peterburgskoy (Petrogradskoy) eparkhii (k 100-letiyu muchenicheskoy konchiny)* [Martyr Platon, Bishop of Revel — Archpriest Pavel Kulbush as the Decent of the Estonian parishes in Petersburg (Petrograd) Diocese (on the 100th anniversary of the martyr's demise)]. *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya. The Materials of VII theological conference (Ekaterinburg, 8-9 February 2019)*. Ekaterinburg: EDS, 2019. [In print]. (In Russian).

27. Kostromin (2019b) — Kostromin K. *Estonskoe blagochinie Peterburgskoy eparkhii v 1900-1917 godakh* [Estonian deanery of the Petersburg diocese in 1900-1917]. *Aktual'nye voprosy tserkovnoy nauki*, 2019, no. 1. [In print]. (In Russian).

28. Musaev (2009) — Musaev V. I. *Estonskaya diaspora na severo-zapade Rossii vo vtoroy polovine 19 — pervoy polovine 20 v.* [The Estonian diaspora in northwestern Russia in the second half of the 19th — the first half of the 20th century]. Saint-Petersburg: Nestor, 2009. (In Russian).

29. Musaev (2018) — Musaev V. I. *Pravoslavie v Pribaltike v 1890-1930-e gg.* [Orthodoxy in the Baltic States in the 1890-1930s]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Politekhnicheskogo universiteta, 2018. (In Russian).

30. Nestor (2003) — Nestor Kumysh. *Novomucheniki Sankt-Peterburgskoy eparkhii* [New Martyrs of St. Petersburg Diocese]. Saint-Petersburg: Satis, Derzhava, 2003. (In Russian).

31. *Novye mucheniki* (1949) — *Novye mucheniki Rossiyskie* [New Russian Martyrs]. The first collection of materials. Ed. by M. Pol'skiy. [Jordanville], 1949, ch. 1. (In Russian).

32. Petrov (2014) — Petrov I. V. *Pravoslavnye prikhody Estonii v kontse 1917–1920-kh godakh v kontekste voennogo protivostoyaniya* [The Orthodox parishes of Estonia the late 1917-1920s in the military confrontation context]. *Grazhdanskaya voyna v Rossii: problemy istorii i istoriografii. The book of conference papers*. Saint-Petersburg, 29. november 2013. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo SPbGETU "LETI", 2014. pp. 196-203. (In Russian).

33. Chizhov, Alekseev (1989) — Chizhov A., Alekseev A. A. *Russko-estonskiy Isidorovski prikhod v Peterburge–Petrograde–Leningrade* [Russian-Estonian parish of Isidore in St. Petersburg — Petrograd — Leningrad]. Iz istorii pravoslaviya k severu i zapadu ot Velikogo Novgoroda. Leningrad, 1989, pp. 133-142. (In Russian).

34. Aleksander Kaelas — Aleksander Kaelas (filosoof). Available at: [https://et.wikipedia.org/wiki/Aleksander_Kaelas_\(filosoof\)](https://et.wikipedia.org/wiki/Aleksander_Kaelas_(filosoof)) (accessed: 2.02.2019). (In Estonian).

35. Vypuskniki MDA — Vypuskniki Moskovskoy dukhovnoy akademii 1818-1914 gg. [Graduates of the Moscow Theological Academy in 1818-1914] Available at: <http://dereksiz.org/vipuskniki-moskovskoj-duhovnoj-akademii-1818-1914-gg.html?page=8>(accessed: 2.02.2019). (In Russian).

36. Vypuskniki RDS — Vypuskniki Rizhskoy dukhovnoy seminarii [Graduates of the Riga Theological Seminary]. Available at: <http://www.petergen.com/bovkaloduhov/rigasem.html> (accessed: 2.02.2019). (In Russian).

37. Deyatel'nost' — Deyatel'nost' inostrannykh predstavitel'stv v Irkutske v 1920 godu [Activity of foreign missions in Irkutsk in 1920]. Available at: <https://f-dragon869.livejournal.com/286012.html> (accessed: 2.02.2019). (In Russian).